

О латыни в России, и не только¹

Владислав Ржеуцкий

Deutsches Historisches Institut Moskau

vladislav.rjeoutski@dhi-moskau.org

Рецензия на книгу: Ю. К. Воробьев, *Латинский язык в России XVI – первой трети XIX века (культурологический аспект)* (Саранск: Издательство Мордовского университета, 2015), 140 с.

В своей небольшой книге Юрий Воробьев ставит перед собой задачу “дать предварительный анализ некоторых форм бытования латыни, показать ее место в языковой биографии и интеллектуальной жизни образованных россиян” (с. 3). Ю. Воробьев – автор нескольких книг, которые вписываются в рамки социокультурной истории языков, в их числе – книга на близкую тему.²

Автор построил свою новую книгу частично по хронологическому, частично – по тематическому принципу. Изложение начинается с двух глав, охватывающих допетровский (гл. 1) и петровский периоды (гл. 2). За ними следуют шесть глав, рассматривающих отдельные аспекты бытования латинского языка в России: латынь как язык науки в России (гл. 3), как учебный предмет и язык обучения (гл. 4), латинская книга в России (гл. 5), жанры устной латыни (гл. 6), “хвалебно-пропагандистские и сакрально-морализаторские функции латыни” (гл. 7) и латынь в высшем дворянском обществе (гл. 8).

Круг источников и исследований, на которые опирается автор, весьма широк, за исключением неопубликованных архивных документов, которые, насколько можно судить по сноскам, автором не были использованы. Нельзя однако назвать значительным число использованных в книге штудий на языках помимо русского. Это отразилось в особенности на сравнительном аспекте этого исследования. Среди полезных, но не учтенных автором книг следует назвать работы Ф. Вакэ³ и Ю. Леонхарда,⁴ а, для истории латыни в России и в Украине – книгу М. Окенфуса.⁵

¹ Я благодарю коллег – Е. Кислову и Т. Костину – за помощь в работе над рецензией.

² Ю.К. Воробьев, *Латинский язык в русской культуре XVII – XVIII веков* (Саранск: Издательство Мордовского университета, 1999); Ю.К. Воробьев, *Греко-римская мифология в русской культуре XVIII века* (Саранск: Изд. Саранского университета, 2003); Ю.К. Воробьев, И.В. Седина, *Западноевропейские языки в русской культуре XVIII века* (Саранск: Изд. Саранского университета, 2007); Ю.К. Воробьев, И.В. Седина, *Россия и Западная Европа. Типология культурно-языковых контактов. XVIII век* (Саранск: Изд. Саранского университета, 2008); Ю.К. Воробьев, *Западноевропейские языки в русской армии XVIII века* (Саранск: Изд. Саранского университета, 2009).

³ Françoise Waquet, *Le latin ou l'empire d'un signe* (Paris: Editions Albin Michel, 1998); Françoise Waquet, *Latin or the Empire of a Sign* (London: Verso Books, 2001).

⁴ Jürgen Leonhardt, *Latein, Geschichte einer Weltsprache* (München: Verlag C.H. Beck, 2009).

⁵ Max J. Okenfuss, *The Rise and Fall of Latin Humanism in Early-Modern Russia: Paganism, Ukrainians and the Resiliency of Muscovy* (Leiden: E.J. Brill, 1995).

Вероятно, некоторые из них были недоступны автору (их действительно трудно найти даже в крупных библиотеках Москвы и Петербурга).

Я не стану рассматривать все аспекты этого исследования, а остановлюсь на тех, которые мне кажутся наиболее важными.

В целом обзор “бытования” латинского языка в допетровской и петровской России не вызывает у меня больших вопросов. Автор показывает, что этот язык получил в России XVII в. некоторое, хотя и весьма незначительное распространение, в таких сферах как дипломатия, медицина и светская образованность в кругу высших сановников. Однако отдельные из описанных явлений имеют гипотетический характер, что, впрочем, признает и сам автор. Так, Ю. Воробьев перечисляет разные посольства русских дипломатов в европейские страны в XVI-XVII вв., отмечая, что во время этих посольств у них была возможность “взять в руки латинскую грамматику”. Обращение к сфере возможного, но недоказанного (и, нередко, недоказуемого), если и может быть полезным в отдельных случаях, конечно, не должно рассматриваться как стандартный прием исторического исследования.

Значительное место уделено вопросу о переводе преподавания с латинского на русский язык. Надо отметить, что этот вопрос стоял не только в отношении латыни (в семинариях и Московском университете, о чем пишет Ю. Воробьев), но и в отношении немецкого и французского языков (на которых ряд предметов преподавался, например, в Кадетском корпусе). В том, что касается семинарий, русский язык не был полностью вытеснен латынью, как показала в своих исследованиях Е. Кислова,⁶ в особенности на начальной стадии обучения, ведь латынь изучалась через перевод с русского и на русский язык. Ю. Воробьев показывает, как остро стоял вопрос о переводе преподавания на русский язык в университетской среде. Он приводит многочисленные сведения о выборе языка преподавания в разных российских университетах в разное время. Картина была весьма пестрой: одни курсы преподавались на латыни, другие на русском, некоторые шли параллельно и на латыни и на русском; кроме того, читались курсы на немецком и французском языках.... В книге также поднимается важный вопрос о соответствии языковой подготовки студентов требованиям, которые предъявляли курсы, читаемые на латыни: очевидно, что для многих языковой барьер был и барьером в получении знаний.

Возможно, для лучшего понимания истоков этой вялотекущей реформы, растянувшейся почти на век, следовало бы показать широкий контекст дискуссии о месте и роли родного языка. В царствование Екатерины II соотношение русского и иностранных языков обсуждается в разных сферах и это не случайно: это связано и с развитием национального самосознания в России, и со связанной с ним реакцией на “засилие” французского в высшем дворянском обществе, и с идеями

⁶ См., например: Е. Kislova, “Latin’ and ‘Slavonic’ Education in the Primary classes of Russian 18th century seminaries,” *Slověne = Словъне. International Journal of Slavic Studies*, 2015, Vol. 4 (2), 72-91; Е. Кислова, “Латынь и ‘словенский’ в начальном образовании детей духовенства XVIII в.,” *Studia Slavica*, 2015, vol. 60 (2): 315-330.

противников образования дворянства на латинском языке, которых было все больше в Западной Европе и которые теоретически обосновывали необходимость преподавания на родном языке, а значит ограничение роли латыни в образовании. Положение в России в этом отношении не было исключительным, во многих европейских странах шли сходные процессы, которые влияли на ход реформы в России. Вспомним, как хронологически близки две реформы: та, что определила новый статус русского языка в России в 1780-х гг., и та, целью которой был начатый Иосифом II в 1784 г. переход в Австро-Венгрии на немецкий язык и запрет на использование латыни в административной переписке.

В книге Ю. Воробьева собран значительный материал об изучении и владении латынью в образованном обществе в России, в том числе в дворянском сословии. Позволяет ли выбранный методологический подход с достаточной точностью описать распространение латыни и границы ее использования в российском обществе? В рамках культурологического подхода автор оперирует отдельными примерами, которые мало систематизируются, но которым, очевидно, приписывается большая доказательная сила. Количество таких примеров в некоторых случаях значительно, что может создать у читателя впечатление, что речь идет о широко распространенном явлении. Однако при отсутствии статистических данных невозможно составить представление о роли латинского языка как предмета в государственном и частном образовании и о знании латыни в образованных слоях российского общества. Конечно, получить такие данные можно далеко не всегда, но в отдельных случаях это возможно.⁷ Разумеется, статистика – как и оперирование отдельными примерами – может создать видимость объективной картины, которая на самом деле не приблизит нас к пониманию сути явления. Однако, при соблюдении определенных условий (например, учете контекста учебного заведения или среды, критике источника и т.д.), статистические данные все же помогают создать гораздо более точный социокультурный портрет явления, чем отдельные примеры, принципы отбора которых остаются за кадром исследования.

В то же время в главе 8 автор справедливо признает скромную роль латыни в жизни дворянства, особенно высшего дворянства (“большая часть дворян не желала обучать детей латинскому языку”), и пишет о том, что отказ от латыни был важным водоразделом внутри дворянского сословия и, добавим, важным критерием, отделявшим дворянство – во всяком случае его высшую часть – от некоторых других сословий или профессий (не случайно многие дворяне считали латынь “докторским” языком). Краткий экскурс в историю изучения латыни в царской семье, сделанный автором, кажется, должен был привести читателя к

⁷ См., например, подсчеты на Кадетском корпусе 1730-х – 1750-х гг. и по частному образованию в Петербурге 1750-х гг. в моей статье: Vladislav Rjeoutski, “Le français et d’autres langues dans l’éducation en Russie au XVIIIe siècle,” in Vladislav Rjeoutski, Derek Offord, Gesine Argent, *L’apprentissage du français dans la Russie du XVIIIe siècle*, Vivliofika, Vol. 1 (2013): 20-47.

выводу о том, что русские монархи были более привержены латыни, чем высшее российское дворянство в XVIII в. Однако автор не пишет о внуках Екатерины II вел. кн. Александре и Константине Павловичах, которые не учили латынь: один из их учителей – небезызвестный Лагарп – считал латынь излишней, и императрица разделяла эту точку зрения. Таким образом в царской семье мы видим ту же тенденцию отказа от латыни, что и в высшем российском обществе.

Причинам, объясняющим отказ дворянства от латыни, уделено однако недостаточно внимания в книге. По моему мнению, эти причины не только и не столько в отсутствии многовековой традиции изучения латыни, которая была в странах Западной и Центральной Европы – ведь к концу XVIII века латынь уже не была новинкой в России – сколько в тех дебатах о роли латыни, которые велись в Западной Европе и к которым в России прислушивались, и в тех идеях о социальной значимости и о культурном капитале латыни, которые сформировались ко второй половине XVIII века в высшем слое российского дворянства, который в значительной степени определял политику в сфере образования.

В своей книге Ю. Воробьев обращает внимание и на роль латыни в дипломатической сфере. В конце XVII и начале XVIII века латынь сохраняла свое значение языка европейской дипломатии. Ценными являются указания на владение латынью многими российскими дипломатами. Мне не хватило однако информации об использовании ими латыни в их профессиональной переписке. Так автор упоминает кн. И.А. Щербатова, который представлял Россию в Испании и в Великобритании. Щербатов знал латынь, наряду с французским, английским и испанским языками, но использовал ли он ее в своей дипломатической деятельности? Обращение к его архивам⁸ показывает, что, если это происходило, то очень редко. Также Ю. Воробьев пишет о знании латыни другим видным российским дипломатом, кн. В.Л. Долгоруковым.⁹ Но переписка Долгорукого с датским двором, при котором он представлял Россию,¹⁰ покажет, что этот дипломат использовал, в основном, французский язык, а не латынь. Отказ многих дипломатов от латыни – уже в царствование Петра I – только частично можно объяснить упомянутыми выше причинами, в частности, растущей значимостью французского не только как языка благородного сословия в практически всех странах Европы (а дипломаты были часто из числа дворян), но и как языка образованного общества вообще, что делало французский более универсальным языком, чем латынь. Были и другие причины: например, использование латыни как *lingua franca* дипломатов все более затруднялось ввиду большой разницы в произношении – дипломаты переставали понимать друг друга.

Отдельная глава посвящена латинской книге в книжных собраниях в России. В упомянутой выше книге М. Окенфуса, вышедшей на двадцать лет раньше рецензируемой книги, главное внимание посвящено как раз латинской и

⁸ См., например, РНБ, ОР, Эрм 76, 123 (1-2).

⁹ Ю. К. Воробьев, *Латинский язык*, 106.

¹⁰ РГАДА, ф. 53 (Сношения России с Данией).

неолатинской литературе в частных и ведомственных библиотеках Украины и России. Книга Окенфуса была бы весьма полезна для этой главы, но, вероятно, осталась недоступна автору. Ю. Воробьев справедливо подчеркивает сложность причин, по которым человек собирает книги на тех или иных языках: они не только в языковых интересах, но и в культурных традициях и в коллективной психологии. В этой главе автор приводит множество статистических данных, почерпнутых в исследованиях по истории книги в России, – эта область получила хорошее развитие в дореволюционной и советской историографии. Явно выделяются по составу своих библиотек такие социо-профессиональные группы как (высшее) дворянство, духовенство и ученое сословие. В двух последних процент книг на латыни был выше, чем в библиотеках высшего дворянства и чиновничества. Вопрос о значительной разнице в пропорциях книг на латинском и иных языках между разными ведомственными и личными библиотеками не может не интриговать, можно посоветовать на то, что он остался вне внимания автора, а вывод, сделанный в конце главы, вряд ли может удовлетворить пытливого читателя.¹¹ В целом статистика здесь остается оторванной от социального и институционального контекста российского общества, а также от общеевропейского контекста, без которого понять значение этих цифр вряд ли возможно. Трудно их оценить и без рассмотрения тематического состава библиотек. Так, цифра в 45% книг на латыни в библиотеке А. Протасова стала бы яснее, если бы читатель узнал, что значительная доля “латинской” части его библиотеки состояла из книг по медицине и другим наукам, что классические авторы составляли около трети его книг, и часть из них была в русских переводах.¹² Автор приводит для сравнения данные по одной библиотеке западноевропейского ученого – французского астронома Ж.Ж. Дорту де Мерана. Один пример вряд ли может дать представление о том, насколько ситуации с латинской книгой в библиотеках ученых разных стран были схожими или различными. У меня также возникли сомнения в корректности оценки приводимых цифр в этом конкретном случае: автор считает, что количество латинских книг в библиотеках ученых России было “приблизительно таким” же как в библиотеках других европейских ученых. Однако разница между ними все же существенная: 35% книг на латыни у Дорту де Мерана, 43% у Ломоносова, 45% у А.П. Протасова и 76% у С.П. Крашенинникова. Возможно, что более значительная пропорция латинских книг в библиотеках русских ученых может быть объяснена меньшей ориентацией на живые европейские языки (и на французский в особенности) в их работе, как и в деятельности Санкт-Петербургской Академии наук вообще, по крайней мере, до царствования Екатерины II. В публикациях Санкт-

¹¹ “Итак, литература на латинском языке составляла, в зависимости от профессиональных занятий и личных пристрастий ее владельца, разную в процентном и тематическом отношении, но как бы обязательную часть многих частных библиотек”. Ю. К. Воробьев, *Латинский язык*, 84.

¹² Анализ в: М. И. Фундаминский, “Библиотека русского ученого XVIII века А.П. Протасова,” *Книга и библиотека в России в XIV – первой трети XIX в.* (Ленинград, 1982), 56-67. Резюме в Okenfuss, *The Rise and Fall*, 183.

Петербургской Академии значительный языковой сдвиг в сторону французского произошел уже к концу XVIII в., в то время как Берлинская Академия наук уже давно публиковала работы своих членов, прежде всего, на французском языке, тем самым подтверждая статус французского как общеевропейского языка науки.¹³ Также остался в тени вопрос об изменениях, произошедших в составе дворянских библиотек на протяжении века, хотя приведенные в книге данные позволяют, как мне кажется, увидеть определенную тенденцию.

Эти критические замечания не отменяют того факта, что книга Ю. Воробьева изобилует интересными, а подчас и весьма тонкими наблюдениями о месте латыни в российском обществе и об отношении к ней – как к своего рода культурному капиталу – разных социальных групп. Так, цитируя письмо В.Е. Адодурова К.Г. Разумовскому, находившемуся в 1743 г. в Кенигсберге, о необходимости “несколько обучаться” латинскому языку в силу того, что латынь для немецкого и французского “вместо основания служить может”,¹⁴ автор выходит на важный вопрос о снижении к середине XVIII в. роли латыни для высшего дворянства, которое, если и включает латынь в учебный курс, то как вспомогательный предмет, а также для обучения в западноевропейских университетах, в которых латынь сохраняла свое значение языка преподавания. Автор также отмечает несколько парадоксальный факт: хотя именно французский перенял многие функции латыни и стал причиной отказа от латинского языка многих российских дворян, некоторые западноевропейские пособия для изучения французского, широко распространенные в России, поднимали авторитет латыни в глазах дворян, так как подчеркивали необходимость знания латыни для дворянина. Таких ценных замечаний немало на страницах этой книги.

В целом, книга Ю. Воробьева открывает для читателя большую и малоисследованную тему и в этом ее безусловное достоинство. Однако, многие вопросы, затронутые в ней, нуждаются в более широком подходе, включая сравнение с Западной и Центральной Европой и с положением других важных для российского общества языков – прежде всего, немецкого и французского и, конечно, русского, ведь нередко функционально и символически языки находились в оппозиции друг к другу. Также важно расширить источниковую базу исследования, включив архивные документы на эту тему, которых, как я постарался показать, можно найти немало в российских архивах.

¹³ Об использовании языков в Российской Академии наук в XVIII и XIX вв. см. гл. 5 в книге: Derek Offord, Vladislav Rjéoutski, and Gesine Argent, *The French Language in Russia: A Social, Political, Cultural, and Literary History* (Amsterdam: Amsterdam University Press, готовится к печати).

¹⁴ Ю. К. Воробьев, *Латинский язык в России*, 63.